

Дин Ханьбай произнес:

— Старая марка со столетней историей, если ее постоянно совершенствовать, конечно, будет хороша.

Цзи Шэньюй вытер руки:

— Я-то думал, ты пробовал что-то действительно изысканное, а оказалось — обычное дело.

Через две минуты в кухне переднего двора зажегся свет. Дин Ханьбай и Цзи Шэньюй, не желая уступать друг другу, решили выяснить, кто из них лучше готовит. Цзи Шэньюй не смел произнести ни звука, опасаясь, что перепалка с Дин Ханьбаем разбудит остальных. Он оттолкнул Дин Ханьбаю в сторону, повернулся и достал из холодильника оставшуюся половину жареной курицы.

— Что ты делаешь? — спросил Дин Ханьбай.

Цзи Шэньюй не ответил. Он вытряхнул из мешочка из грубой ткани специи, разорвал курицу на части, запихнул ее внутрь, добавил стебель зеленого лука и ложку сычуаньского перца. Опустил мешочек в холодную воду. Когда вода закипела, бросил туда горсть тонкой лапши, а когда она сварилась — добавил сердцевину капусты.

Миска куриной лапши была готова. Дин Ханьбай замер, глядя на поднимающийся пар, а когда попробовал первый кусочек, его взгляд окончательно смягчился. Ни масла, ни соли — весь вкус держался только на курице, аромате лука и остроте перца. Он принялся жадно есть, не потому что скупился на похвалу, а потому что просто не мог оторваться.

Цзи Шэньюй выловил мешочек:

— Курица была готовая, но вкус уже не тот, да и мясо от долгой варки стало жестким.

Дин Ханьбай, немного утолив голод, ответил:

— Тогда выбрасывай.

Цзи Шэньюй бросил мешочек в мусорное ведро, повернул голову и встретился взглядом с Дин Ханьбаем. Внезапно ему расхотелось продолжать спор.

— Старший брат, — он уставился на край миски, — я тоже проголодался.

Дин Ханьбай подцепил палочками нежную сердцевину капусты:

— Открывай рот.

Почувствовав тепло во рту, Цзи Шэньюй довольно прищурился. Когда он открыл глаза, Дин

Ханьбай уже доел и лапшу, и бульон. Ночь была глубокой, сытость сменилась двойной порцией сонливости.

— На автобус придется выходить рано, — сказал Дин Ханьбай.

Цзи Шэньюй знал об этом.

— Ты сможешь встать? — снова спросил Дин Ханьбай.

Цзи Шэньюй не ответил.

— Все-таки я тебя отвезу, — добавил Дин Ханьбай.

## Глава 6

Никто не ожидал, что Цзи Шэньюй так блестяще справится с итоговыми экзаменами.

У всех братьев в семье Дин оценки были неплохими, но дома учебе не придавали особого значения. Дин Яньшоу еще давно сказал: резьба по нефриту — это основное дело, остальное — лишь побочное. Никто не ожидал такого результата еще и потому, что Цзи Шэньюй обычно вел себя тихо, редко смеялся, не шумел, не проявлял ни серьезности, ни глубокомыслия. На людях он держался скромно, а за спинами других — еще тише.

Кроме Дин Ханьбая, никто не был близок к повседневной жизни Цзи Шэньюя, однако даже Дин Ханьбай, имея преимущество близости, не особо следил за каждым его шагом. Он знал лишь, что Цзи Шэньюй ложится очень поздно и каждый день допоздна что-то делает при свете лампы. Даже догадываясь, что тот учится, он не ожидал, что тот настолько в этом преуспел.

В тот вечер, когда Цзи Шэньюй растопил его сердце миской лапши, Дин Ханьбай сгоряча предложил и дальше его подвозить. Но, будучи человеком, не приученным прислуживать другим, он вскоре охладел к этой затее.

К счастью, начались летние каникулы, и оба вздохнули с облегчением.

Дверь в мастерскую была закрыта. Цзи Шэньюй наконец смог все внимательно рассмотреть. Дин Кэюй и Дин Эрхэ протирали станки, выбирая нужные сверла. Через три-пять минут пришел Дин Яньшоу — учитель и трое учеников приготовились к занятию.

Кондиционер не включили, но в комнате, полной нефрита, было достаточно прохладно. Дин Кэюй прошептал:

— Брат, мы будем с ним вместе?

Под «ним» имелся в виду Цзи Шэньюй. Дин Эрхэ взглянул на Дин Яньшоу и ничего не ответил.

— Подойдите все трое, — Дин Яньшоу вымыл руки и начал: — Мелкие изделия легко выучить, но трудно довести до совершенства. Вы знаете технику, но должны постоянно оттачивать ее самостоятельно. Это «постоянно» — не месяц и не год, это вся жизнь.

Дин Яньшоу помолчал:

— Шэньюй, говорил ли тебе Цзи Фансюй нечто подобное?

Цзи Шэньюй ответил:

— Учитель говорил, что в этом деле нет вершин, нельзя быть довольным достигнутым, нужно карабкаться всю жизнь.

На самом деле в любом деле так. Перед Дин Яньшоу лежал кусок фужунского нефрита размером со словарь, необработанный, натуральный, с розовым отливом, холодный на ощупь. Он сказал:

— Среднее изделие. Я не буду делать набросок, сразу пушу резец. Смотрите, как он идет.

Обычно перед началом работы нужно сделать проект, обдумать композицию, учесть цвет и блеск камня. Почти никто не решается резать сразу. Но Дин Яньшоу не раздумывая крепко сжал сверло, сделал один рез, повернул камень и — другой. Всего четыре движения. Осколки разлетелись, следы были глубокими и не связанными друг с другом, словно он... портил вещь.

Дин Яньшоу сказал:

— Большинство натуральных камней имеют пятна и дефекты. Этот кусок — редчайший экземпляр, который привез ваш старший брат, но я хочу вас проверить, поэтому немного его подпорчу.

И правда, испортил... У Дин Кэюя сжалось сердце, он не решался представить, как взбесится Дин Ханьбай, когда вернется. Дин Эрхэ спросил:

— Дядюшка, этот кусок нужно разрезать?

— Нет, — ответил Дин Яньшоу. — Пусть остается целым, сами решайте, что делать.

После урока Дин Яньшоу взял Цзи Шэньюя с собой в Юй Сяоцзи. Дин Кэюй и Дин Эрхэ остались прибираться. Братья возились медленно, собирая осколки целую вечность.

— Брат, как это резать? — спросил Дин Кэюй. — Не разрезая? Каждый будет делать свое? На одном куске получится нечто несуразное.

Дин Эрхэ ответил:

— Нас заставляют сотрудничать с Цзи Шэньюем.

Дин Кэюй был недоволен:

— Его уровень оставляет желать лучшего.

Когда они закончили уборку, Цзи Шэньюй уже ушел. Обсуждать было не с кем, к тому же они боялись гнева Дин Ханьбая, поэтому решили пока ничего не предпринимать. Цзи Шэньюй уже был в Юй Сяоцзи, помогая Дин Яньшоу сортировать товары, готовящиеся к выставке.

— Шэньюй, тебе нравится учиться?

— Мне больше нравится читать, а почему вы спрашиваете, учитель?

— Ничего, просто к слову.

Дин Яньшоу не ожидал, что у Цзи Шэньюя такие хорошие результаты. Он знал, что Цзи Фансюй давно сменил приоритеты и увлекся антиквариатом, поэтому не был уверен в его интересе к основному ремеслу.

Цзи Шэньюй, оправдывая свое имя, осторожно спросил:

— Учитель, неужели моя учеба мешает работе? — и тут же добавил: — Я просто хочу сдать экзамены получше. Вы приняли меня без всяких условий, я хочу, чтобы мы оба не ударили в грязь лицом.

Дин Яньшоу рассмеялся:

— Не нервничай. Я просто хотел узнать, что тебе больше по душе. Что бы ты ни выбрал, я поддержу.

Цзи Шэньюй встревожился еще больше. Он не был подозрительным, просто боялся не оправдать доверия. У Дин Яньшоу не было обязательств заботиться о нем. Жизнь требует расходов на еду и одежду, и если он хочет чего-то добиться, то должен отдавать все силы Юй Сяоцзи. Но Дин Яньшоу спросил, что ему нравится, не ограничивая его выбор.

Даже Цзи Фансюй никогда не говорил с ним так.

До самого вечера, вернувшись домой, Цзи Шэньюй был погружен в свои мысли. Он не пошел в комнату, а сел на веранде, прислонившись к перилам, и даже не заметил, как подошел Дин Ханьбай.

Дин Ханьбай отобрал у Цзян Цайвэй мороженое и, увидев, что Цзи Шэньюй витает в облаках,

решил подшутить — приложил холодную коробочку к его шее, чтобы тот пришел в себя. Он сел рядом:

— Занял первое место и не радуешься?

Цзи Шэньюй впервые услышал похвалу от Дин Ханьбая и, посчитав его самым близким человеком, рассказал о разговоре с Дин Яньшоу. Дин Ханьбай продолжал есть, не поднимая глаз и не шевеля бровями:

— Растрогался?

Цзи Шэньюй кивнул. Дин Ханьбай сказал:

— Даже если мастер Цзи и мой отец были как братья, даже если они были неразлучны, они не родные, и ты не член нашей семьи.

Правда бывает неприятной, поэтому ее редко говорят. Цзи Шэньюй хотел прикрыть Дин Ханьбаю рот.

— Не пойми превратно, — продолжал Дин Ханьбай. — Разделение на своих и чужих не означает, что чувства фальшивы. Отец может любить тебя как родного сына, может обеспечить тебе безбедную жизнь, но он не может воспитывать тебя так же строго, как родного сына, и не может возлагать на тебя те же обязанности.

Цзи Шэньюй, кажется, понял и повернулся к Дин Ханьбаю.

Дин Ханьбай, этот родной сын, доел мороженое и комфортно откинулся на перила, как будто говорил о пустяках:

— Отец никогда не спрашивал меня, что я люблю больше всего. Я могу любить что-то еще, но это не должно стоять выше нашего ремесла. Даже если я добьюсь большего, я обязан ставить ремесло во главу угла.

Он тоже повернулся к Цзи Шэньюю:

— Я ношу фамилию Дин, это мой долг.

Цзи Шэньюй впервые так близко рассматривал глаза Дин Ханьбая — черные, как тушь, блестящие, глубокие. Он замедлил речь:

— И что ты об этом думаешь? Делаешь это по своей воле?

Дин Ханьбай ответил:

— Мальчишки следуют своим прихотям, а мужчины берут на себя ответственность. Я делаю это добровольно.

Но в глубине души у него бушевали волны. Продолжение дела Юй Сяоцзи — его обязанность, он должен принять его и сделать все как надо. Но обязательно ли это должно быть именно то ремесло? Предки выбрали этот путь, неужели потомки обязаны следовать ему без изменений? Почему он не может выбрать сам?

Дин Ханьбай смял коробочку от мороженого, временно погасив внутренний конфликт.

На веранде остался один Цзи Шэньюй. Слова Дин Ханьбая поразили его, и, обдумывая их, он почувствовал усталость. Потянувшись, он пошел в свою комнату. Дверь кабинета со скрипом открылась, и Дин Ханьбай поставил у порога пакет с мусором, жестом приказав выбросить его завтра утром.

Цзи Шэньюй не придавал этому значения, но на следующее утро, заглянув в пакет, увидел, что там осколки артефактов, поднятых со дна океана. Он давно мечтал о них, поэтому схватил пакет и спрятался в своей комнате, чтобы рассмотреть находку.

Эти вещи уже были отсортированы. Дин Ханьбай оставил себе крупные и менее поврежденные, а остальное было разбито вдребезги. Цзи Шэньюй аккуратно разложил их, чувствуя себя так, будто нашел клад. Выйдя из комнаты и столкнувшись с проснувшимся Дин Ханьбаем, он не успел скрыть улыбку.

Дин Ханьбай, еще сонный, смотрел, как Цзи Шэньюй выбегает из двора. Он скрылся из виду, а улыбка, казалось, все еще висела в утренней заре. Не переодеваясь, он направился в мастерскую, желая воспользоваться выходным.

Вся семья поднялась рано и завтракала в гостиной. В Янчжоу у Цзи Шэньюя была только семья из трех человек, иногда жена учителя была им недовольна, и он ел на кухне один. Он не привык к такому шуму по утрам.

Кашу разложили по мискам. Цзян Цайвэй выбрала миску, где было больше красной фасоли, и подала Цзи Шэньюю:

— Ханьбай еще не встал?

Цзян Шулю прямо сказала:

— Шэньюй, позови своего старшего брата завтракать, если не встанет — дерни за уши.

Не успел Цзи Шэньюй ответить, как послышались быстрые шаги. Все посмотрели на дверь и увидели Дин Ханьбая со взлохмаченными волосами, чей гнев был страшнее ярости ваджры.

Дин Ханьбай прямо спросил:

— Кто трогал мой фужунский камень?!

Дин Эрхэ и Дин Кэюй украдкой посмотрели на Дин Яньшоу и втянули головы в плечи. Цзи Шэньюй с миской каши в руках остался невозмутим, полагая, что Дин Яньшоу — глава семьи, и Дин Ханьбаю придется проглотить обиду.

Дин Яньшоу сидел во главе стола:

— Я трогал.

Гнев на лице Дин Ханьбая не утих ни на йоту:

— Ты трогал? Ты прожил полжизни и не видишь, какого уровня этот материал? Это натуральный камень! Редчайший экземпляр! — он подлетел к столу и ударил ладонью по краю, так что две палочки для теста выкатились из тарелки. — Самое главное, это мой камень! Я до сих пор не решался к нему прикоснуться, а ты его испортил!

Его крик, казалось, мог снести крышу. Цзи Шэньюй так испугался, что едва не уронил миску. Он и представить не мог, что Дин Ханьбай осмелится так разговаривать с Дин Яньшоу. Дин Яньшоу не стал отвечать резко, словно ожидая такой реакции:

— Сначала поешь, остынь.

— Не остыну! — Дин Ханьбай не унимался. — Это мое сокровище, а ты сделал на нем четыре бессмысленных разреза! Знаешь, на что это похоже? Это как обезобразить мою жену! Какими мыслями ты руководствовался, чтобы поднять на него руку?

Цзи Шэньюй вздрогнул от такого сравнения и попытался объяснить:

— Старший брат, учитель хотел нас проверить, заставил нас резать... — он не успел договорить, как Дин Кэюй пнул его, и он едва не прикусил язык.

Дин Ханьбай на секунду замер, а потом от объяснения Цзи Шэньюя его ярость разгорелась еще сильнее:

— И ради того, чтобы учить их, ты испортил мой материал? Да разве их мастерство этого стоит?!

Он смотрел на Дин Яньшоу, но его слова задели всех троих. Дин Эрхэ и Дин Кэюй сохраняли внешнее спокойствие, но внутри кипели от негодования. Цзи Шэньюй был потрясен — он не ожидал, что Дин Ханьбай настолько низкого мнения о своих младших братьях.

Дин Ханьбай был прямолинеен:

— Кто чего стоит, каждый знает сам. К тому, к чему я не решаюсь прикоснуться, другие вообще не должны приближаться. Эти четыре разреза я исправлю, а если хотите учиться — ищите другие материалы, но больше не лезьте ко мне.

Утренний скандал испортил всем аппетит. Дин Хоукан попытался косвенно уколоть Дин Яньшоу, желая добиться справедливости для своих сыновей. Цзи Шэньюй размешивал остывшую кашу, тоже слишком расстроенный, чтобы есть.

Он считал, что поступок Дин Яньшоу действительно был опрометчивым, но не заслуживал таких оскорблений со стороны Дин Ханьбая... особенно унизительно прозвучали слова о братьях, в его высокомерии чувствовалась жестокость.

Боясь снова встретиться с Дин Ханьбаем, он долго выглядывал из-за арки, прежде чем войти, но Дин Ханьбая не было.

Дин Ханьбай сидел в комнате Цзян Цайвэй, бережно поглаживая свой «обезображенный» камень длинными пальцами. Цзян Цайвэй принесла еду и закрыла дверь:

— Гнев выпустил, родного отца отругал, теперь ешь.

Дин Ханьбай закатал рукава:

— Тетя, скажи, я был прав?

Цзян Цайвэй была родной тетей Дин Ханьбая, младшей сестрой Цзян Тинэня. Она была добра ко всем, но у каждого есть свои предпочтения. Больше всего она любила Дин Ханьбая и Цзян Тинэня.

— Разве можно судить, прав ты или нет? — ответила она. — Кричать на отца при всех... Тебя с пеленок учили разбираться в камнях, и то, что он редкий, тебя тоже учил отец.

Дин Ханьбай водил палочками по краю тарелки:

— Я был на взводе. Кто просил его портить мою вещь, да еще и отдавать тем бездарям?

Его позиция была проста: в ремесле должен быть баланс — нельзя использовать посредственный материал для высокого мастерства, но и высокочкалассный материал нельзя тратить на неумех.

Дин Ханьбай не привык сдерживаться. Он очистил стол и показал Цзян Цайвэй розовый, сияющий камень. Он решил, что он очень подойдет ей.

— Тетя, тебе нравится? Давай я сделаю из него украшение в подарок на свадьбу?

Цзян Цайвэй сказала:

— Хорошо, добавь к моему маленькому изображению из наньхуна, будет большое и маленькое.



Дин Ханьбай посмотрел на маленькую фигурку на туалетном столике. Она была отполирована до блеска. Он наконец спросил:

— Это ведь не Тинэнь сделал? Кто тебе ее подарил?

Цзян Цайвэй загадочно улыбнулась:

— Угадай.

Дин Ханьбай не поверил:

— Отец? Но когда бы он успел? Да и линии не его, слишком мягкие.

— Это Шэньюй, — сказала Цзян Цайвэй.

Дин Ханьбай был поражен:

— Цзи Шэньюй?! Цзи Жемчужина?!

Все его впечатление о Цзи Шэньюе ограничивалось тем злосчастным бамбуком. Если только тот не притворялся все это время. Но он не был уверен: неужели у Цзи Шэньюя такое мастерство?

Дин Ханьбай вихрем ворвался во двор. Между деревьями были натянуты веревки, Цзи Шэньюй развешивал белье. Их взгляды встретились, и Цзи Шэньюй, кажется... закатил глаза.

Ну да, его утренние слова ранили. Если Цзи Шэньюй действительно так талантлив, то его гнев вполне оправдан.

Дин Ханьбай праздно подошел, взял штанину, скрутил ее и повесил так, что веревка закачалась.

— Маленькая фигурка из наньхуна у тети — твоя работа? — спросил он небрежным тоном, но его взгляд был острым.

Цзи Шэньюй прищепил наволочку на веревке:

— Моя.

Признав это, он одновременно признал, что тогда притворялся, и сбросил маску бездаря. Гнев Дин Ханьбая сильно задел его. Будут ли остальные братья его опасаться — другое дело, но он решил открыто бросить вызов Дин Ханьбаю.

Возможно, когда он только приехал, ему было все равно, что думает Дин Ханьбай, но теперь

все изменилось.

Они больше не произнесли ни слова, молча развешивая белье. Один честно признался, другой спокойно принял ответ. Одежда качалась на ветру, словно капли воды, готовые сорваться с их ладоней.

Дин Ханьбай смотрел на лицо Цзи Шэньюя сквозь белую рубашку, и перед глазами всплыл его фужунский камень. Образ исчез, лицо Цзи Шэньюя стало четким, заставляя задуматься, не называют ли такое лицо «лицом из фужуни».

Дин Ханьбай стиснул зубы, внезапно почувствовав странную горечь.

## Глава 7

Цзи Шэньюй не ожидал, что одноклассники пригласят его погулять. Он рано вышел из дома, прихватив немного денег из дома в Янчжоу, готовый угощать. На самом деле в Янчжоу у него были друзья, но мастер уехал, жена мастера его выгнала, и он не мог позволить себе жалеть о потерянной дружбе.

Он провел полдня с тремя-четырьмя одноклассниками — они ходили в кино, бродили по университету, шумели на незнакомых улицах. В обед зашли в ресторан, он молчал, слушая их разговоры, и глупо улыбался. В конце они попросили у него списать домашнее задание, и он, не раздумывая, согласился.

Выйдя из ресторана на палящее солнце, все начали думать, чем заняться дальше. Староста, зевнув, предложил пойти к нему играть в покер. Цзи Шэньюй не любил покер и спросил:

— Может, сходим в музей?

Все посмеялись над ним, назвав «деревенщиной». Он замолчал. Но ему действительно хотелось туда — в этом огромном городе было столько достопримечательностей, но больше всего его тянул музей.

Цзи Шэньюй не смог убедить остальных, да и не хотел подстраиваться под чужие желания. В итоге все пошли к старосте, а он сел на автобус и поехал домой. Путь был долгим, он чуть не заблудился.

Выйдя из автобуса, он медленно побрел по краю дороги, прячась в тени деревьев от палящего солнца. Опершись на дерево, он увидел такси, из которого вышли Дин Кэюй и Дин Эрхэ — видимо, возвращались из Юй Сяоцзи.

Они уже подошли к дому, когда Цзи Шэньюй окликнул их, желая спросить, как быть с заданием мастера. Если Дин Ханьбай не разрешает трогать фужунский камень, нужно ли искать другой материал?

Дин Эрхэ обернулся, но не ответил. Дин Кэюй повернулся и ответил:

— Его нет дома, и в магазине не помогал. Весь день гулял?

Было всего два часа дня. Цзи Шэньюй, вытирая пот, сказал:

— Я гулял с одноклассниками. Я и не думал, что они меня помнят.

Он улыбался, радуясь, что его не забыли, но Дин Кэюй не обратил на это внимания:

— Зачем звал?

Цзи Шэньюй, изможденный жарой, почувствовал холод в отношении братьев и успокоился, убрав улыбку и приняв смиренный вид:

— Фужунский камень использовать нельзя, мастер занят. Мы будем еще резать?

Дин Кэюй сказал:

— У тебя еще хватает наглости спрашивать про фужунский камень? Если бы не твои объяснения, старший брат не стал бы нас ругать! Это их дела, зачем ты впутал нас?

Дин Эрхэ молчал. Цзи Шэньюй не ожидал, что спустя столько дней его все еще ждут обвинения.

— Я не думал, что старший брат так скажет. Прошу прощения.

— Не нужно, — отрезал Дин Кэюй. — Конечно, ты не думал. Ты — любимчик дядюшки, вы все одна семья, а остальных считаешь дураками?

<http://bllate.org/book/19144/1880215>